

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Альманах

Автор года
2017

ПОЭЗИЯ
И
ПРОЗА

Александр Новиков

Альманах. Автор года 2017

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31186726

ISBN 9785449063694

Аннотация

Ежегодный альманах произведений авторов, членов Международного Союза писателей им. св. Кирилла и Мефодия, а также авторов, публикующихся на сайте Литературного клуба «Добро» и участвующих в различных литературных конкурсах.

Содержание

Поэзия	6
Валерия Александрова	6
Пустыня	6
Старушка	7
Анжелика Тринц	9
Одна на миллион	9
Искусный кукловод или	10
Люция Звёздная	12
Травница	13
Формула любви	14
Елена Асатурова	16
Старьёвщик	16
От зимы никуда нам не деться...	18
Мелодия Альп	19
Мишура	20
Ветра перемен	21
Переведи меня через майдан	22
Высота	23
Видно, мой дед мороз...	24
Дары волхвов (почти по О'Генри)	24
Нежданный гость	25
Ангел Рождества	26
Александр Борохов	28

Пока живут на свете Старики...	28
Прощание	30
Виктория Левина	31
Мы встретимся с тобой	31
Я о том переулке...	32
Я собираюсь в Петрич, Ванга	33
У дома Ванги в Рупите	34
Где, как не в Мельнике...	35
В доме Кордопулова	36
Жеравна	37
В этом доме	38
В микрофон	39
Роман Смирнов	41
Дожди Елабуги	42
Озимые	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Альманах

Автор года 2017

Редактор Александр Новиков

ISBN 978-5-4490-6369-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэзия

Валерия Александрова

Пустыня

Пустыня – воплощённое «ничто»...

Название совсем несправедливо.

Её природа – редкостное диво,

Но скрытое под золотым манто.

За то, чтоб насладиться красотой,

Безмерная заломлена цена,

И жертва не одна принесена.

Безжалостный песчаный океан

Обманчиво спокоен, и барханы,

Плывут, как волны, в медленном пиано.

Но лишь приказ пустыней будет дан —

Сработает сыпучих дюн капкан.

А след развеет ветер пыльных бурь,

И не всплывёт небесная лазурь.

Но если повезло – остался жив,

Благодаря железной дисциплине, —
Тебе раскроет красоту пустыня.
Сознание сперва заморозит:
Диковинные встанут миражи.
Но, поиграв, одарит, наконец:
Укажет путь в оазис — свой венец.

Оправдана аскеза. Говорят,
Пустыню для того создал Всевышний,
Убрав всё то, что показалось лишним,
Хотя и украшало райский сад,
Чтоб здесь бродить, любуясь на закат,
Задумчиво, с собой наедине.
Для мудрых одиночество — в цене.

Старушка

Она сидит здесь каждый день на лавочке —
Подъездный страж, бессменный атрибут.
Подслеповата, линзы из стекла в очках,
Чтоб лучше видеть двор-театр. Бегут
Соседи мимо, «Здрасьте, Марья Глебовна!»
Бросая, не задумываясь, ей.
В ответ молчит, но долго смотрит вслед она,
И нет на свете глаз несчастнее.
Вокруг толпа, но гложет одиночество.

Бессонница пытается по ночам.
Поспать в спокойствии хотя бы ночь из ста,
Пока не послан вечный сон очам.
Но дни её и ночи одинаковы,
В плену отчаяния дикого.
...Однажды утром скажете «Однако!» вы,
На лавочке не встретив никого.

Анжелика Тринц

Одна на миллион

Блестел серебряной дорожкой
Песок в каёмке кружевной.
Звёзд бриллиантовые крошки
Играли весело с волной!

Вдыхая ароматы моря,
Я шла в плену любовных грёз,
А берег, словно небу вторя,
Стелил живой ковёр из звёзд!

Луна, бросая взгляд манерный,
Вдруг осветила силуэт:
Мальчишка, лет восьми, примерно,
В рубашку лёгкую одет.

Я подошла немного ближе,
Поправив сумку на плече:
Спросила: «Звёздочки, я вижу,
Бросаешь в море... А зачем?»

«Отлив для них подобен смерти» —
Мальчишка с грустью пояснил...
«Они не выживут, поверьте!
Спасаю их по мере сил!»

Вздохнула я: «На побережье
Их – миллионы! Не трудись!»
Он, взяв звезду морскую нежно,
Сказал: «А для неё – вся жизнь!»

Блестел серебряной дорожкой
Песок. Дул ветер небольшой...
Как много дел благих возможно
Творить с открытою душой!

Искусный кукловод или исповедь марионетки

Да, ты-искусный кукловод,
Марионеток хоровод
Ведёшь умело.
Очередной твой кавалер
Пленён изяществом манер
И гибким телом.

Глубокий вырез декольте

И ног прекрасных фуэте
Щекочут нервы.
Холодный ум ведёт расчёт,
На сердце лёд, а внешность – мёд!
Короче, стерва.

Лик ангела, невинный взор,
Витиеватых фраз узор —
Амура стрелы.
Марионетке невдомёк —
Завязан крепко узелок
Рукой умелой.

Сетей не избежал и я,
Вкусив обмана сладкий яд,
И был повержен.
Коварства размотав клубок,
Я с болью каждый узелок
На сердце режу.

Люция Звёздная

Травница

Бабушка-травница внучку учила:
– Хворь можно всякую вмиг победить,
Коли есть корень травы девясила,
Почки берёзы, ромашка и сныть.

Также бессмертник, алоэ и мяту
Нужно в своём арсенале иметь,
Но за лечение не требуй ты платы,
Будь серебро это, золото иль медь.

Даром лекарства ведь нам достаются —
Денег природа за то не берёт.
Я преподам тебе знахаря курсы,
Коли лечить твой настанет черёд.

– Бабушка, помню, как ночью купальской
Ты уходила одна, не боясь...
Мне было страшно одной в тёмной спальне
И до утра не смыкала я глаз.

А на заре ты домой возвращалась
С целой охапкой цветов и травы,
Да и корней приносила немало,

Разной по форме и цвету листвы.

И на вопросы мои отвечала:

«Лишь подрасти, я открою секрет...»

В ригу, что рядом была с сеновалом,
Где под запретом был солнечный свет,

Ты эти травы сушить уносила,
Бережно вешая каждый пучок...
Внучка проснулась... Неужто приснилась
Милая бабушка, знаний исток?

Жаль, что бабуля чуть-чуть не успела,
Внучке свой главный секрет рассказать,
Только оставила в тумбочке белой
Тайных рецептов большую тетрадь.

Формула любви

На остров, позаброшенный и скучный,
Где нет давно уж птичьего базара,
На белых крыльях прилетел олуша —
Хотел создать семьи счастливой пару.
Искал и звал, но было всё впустую...
Мечтал он в танце страсти закружиться.
Судьба-злодейка — нет, чтобы живую, —

Подкинула ему из камня птицу!
Несчастный! Он влюбился в изваянье,
Что люди для приманки разместили,
Не ведая, как мучиться в страданиях
Он будет от любви своей бескрылой!
С ума сходя от чувств, он беззаветно
Четыре года ждал взаимной страсти,
Но каменное сердце, зная, с секретом —
Не отзывалось, на его несчастье.
Без статуи не мысля жизни просто,
Не замечал он, что живые птицы
Уже давно заполонили остров,
И пары создавали, чтоб гнездиться.
Не выдержало сердце у олуши...
За что ему, скажите, эта кара?
Но всё ж не зря принёс он в жертву душу,
Вернув эпоху птичьего базара.

Елена Асатурова

Старьёвщик

Город затих в предвкушении зимнего сна.

Улицы сгорбились, словно старухи седые.
В тёмном акриловом небе распалась луна
Тысячью бликов и в лужах холодных застыла.
В мёртвой тиши раздаётся размеренный стук,
По фасадам домов чьи-то движутся тени,
Словно бы выпустил кто из слабеющих рук
Шар костяной, и он гулко считает ступени.
Ближе и ближе, как проводом огненным бьёт
Этот таинственный звук...
Будь я проще,
Сразу б увидела, как постучав у ворот,
Входит во двор мой
в нелепых одеждах старьевщик.
И предлагает отдать ему так, за гроши,
Всё, что пылится давно по углам моей жизни,
Что потерялось, увы, в закоулках души
И паутиною тонкой на сердце повисло...
Он говорит, что товар мой, хотя и не нов,
Сыщет ему он местечко в убогой тележке.
Пусть заберёт безответную чью-то любовь
И обречённые на неудачу надежды,
Тех, кто не понял, увы, и уже не поймёт,
Тех, кто обидел и предал, пускай ненароком.
Пусть забирает старьёвщик растаявший лёд
От равнодушья глазниц занавешенных окон.
Косточки чьих-то скелетов в скрипящих шкафах,

Всех ненаписанных, незарифмованных строчек.
И обгоревших, истлевших, рассыпанных в прах —
Знаков вопроса, тире, многоточий...
Что же ещё? Вот тоска, что сжимает в кольцо,
Не позволяя крылу размахнуться в полёте...
Вынесла всё, что не нужно, ему на крыльцо.
Он усмехнулся: «Ну вот — мы, пожалуй, в расчёте».
И покатил свой возок, по брусчатке стуча.
Не оглянулся назад, хоть ждала я напрасно...
Кто-то снежинки смахнул осторожно с плеча
И прошептал:
«Теперь в доме есть место для счастья».

От зимы никуда нам не деться...

От зимы никуда нам не деться, родная...
Подкрадётся она, как стихающий вечер
после шумного дня, что в закат утекает...
Тёплой шалью укрой свои хрупкие плечи,
чтобы согреть от мороза и прожитых лет,
сердце своё уберечь от колючих осколков.
Воет метель за окном. Лампы старенькой свет,
и твои руки над пальцами с тонкой иглой
кроют стежок за стежком покрывало Зимы
вязью узорной, вплетая весны первоцветы,
брызги капли, мечты, ожидания и сны,

краски и запахи вдаль уходящего лета...
А во дворе не на шутку декабрь осмелел —
саваном белым спеленаты улицы в кокон.
Видно, однажды он в окна твои залетел —
инеем лёг на виски, снегом выбелил локон...
И всё короче холодные зимние дни.
И всё тоскливее зябкие долгие ночи.
Тянет игла за собой жизни тонкую нить
и не готова орнамент на этом закончить.
Пусть от зимы нам не скрыться, родная моя,
но мы достанем забытую ёлку, и пыль
с веток смахнув, будем рядом сидеть у огня.
И подождём... подождём до прихода весны.

Мелодия Альп

С вечера хмуро дожило,
такая докука.
Лыжи у печки грустили без белых просторов.
Утром зима к нам вошла,
как хозяйка, без стука,
высыпав снега искристого пригоршнюю полной.
Горный хребет нахлобучил пушистую шапку.
Белым шарфом размотались по склонам
трассы и спуски.
Мы лыжи в охапку

и целиной, первопутком, пока он не тронут,
быстро несёмся, вдыхая коктейль кислородный.
С веток снежинки – как звезды – навстречу летят.
Замер хрустальный ручей.
И азарт первородный
нас будоражит от самой макушки до пят...
Солнце цепляет высокие сосны за спины.
Ветер альпийскою песней тревожит нам сердце.
Мы затихаем.
И голову вверх запрокинув,
ловим летящие хлопья губами, как в детстве...

Мишура

Мне не спится опять до утра.
Строки путают ямб и хорей...
И летит, и летит мишура
С пожелтевших еловых ветвей...
Затихает к рассвету Москва,
Этот город бессонных ночей,
С переулков гирлянды сорвав,
Отключив звездопад фонарей.
В гулком чреве пустого двора
Выются в кокон обрывки газет...
И летит, и летит мишура
Ускользящих в прошлое лет...

Дворник машет усердно метлой,
Разгоняя вчерашнюю блажь.
И, как вирусом, болен Москвой,
То ли гость он её, то ли страж...
Нас дурманят чужие ветра —
Отголоски не наших побед.
И слетает с души мишура
В новогодний похмельный рассвет...

Ветра перемен

Отчего нас тревожит ночами мистраль,
Не давая уснуть и вселяя тревогу?
Оттого ли, что тонок уже календарь,
И пора собираться по новой в дорогу?
Нас уже не сдержать этой клетке из стен.
Не стреножить травой приворотной.
Дуют свежестью терпкой ветра перемен,
Забывая мне рифмами глотку.
Видно, время настало черту подвести,
Помянуть всё, что было, на тризне,
И назад не смотреть... ни о чём не грустить,
Поднимать паруса своей жизни.
Переменится ветер. Задует свечу.
К новым гнездам отправятся птицы.
Я — как Мэри — достану свой зонт и взлечу,

Чтобы просто к себе возвратиться...

Переведи меня через майдан

Переходя свой жизненный майдан *Майдан – главная торговая площадь в городе, базар,*

Сквозь шум толпы, порой плюющей в спину,

Таща грехов и скорби чемодан,

Который жалко в ров забвенья кинуть,

Мы кажемся игрушками богов,

Потрепанными, ставшими ненужным

И пыльным хламом. Чья-то нелюбовь

Нас не пускает выбраться наружу,

Туда, где свет. Где в вены кислород

Нам колет ветер, свежий и задорный.

Где парус, натянувшись, позовёт

С разбегу броситься в бушующие волны...

И я шагну за меловой свой круг,

Сожгу порты – чего уж мелочиться! —

Узнав из всех изученных наук,

Каким богам мне следует молиться.

Когда судачат злые языки,

Не обернусь на ядовитый шёпот —

Моё оружие – острие строки...

Благодарю, майдан, за ценный опыт.

Высота

Крылья сломаны, стынет дыханье, как лёд.
Не подняться уже над сверкающей бездной
В свой последний, в манящую вечность, полёт.
И впервые страшит высоты неизвестность.
И меня не поймут те, кто там, в облаках,
Подчиняясь мистралю, поют свою песню.
Точно также как те, кто на землю приправ,
Никогда не поднимут глаза к поднебесью.
Я глотну напоследок пьянящий миндаль
Этой жизни свободной, но чувствами выжженной.
Не добраться в расшитую звездами даль,
Обескровленной и обездвиженной...
Сушит губы – как в полдень – убийственный зной.
Слышу шорох, и веет внезапной прохладой.
Это Ангел-хранитель склонил надо мной
Свои белые крылья, пройдя снегопадом...
И осколки снежинок, впиваясь иглой,
Разгоняют по венам застывшую кровь.
А я снова, как в детстве, взлечу над Москвой,
Чтоб услышать распев сорока сороков...

Видно, мой дед мороз...

Видно, мой дед мороз взял мешочек с подарками рваный.
И пока добирался, рассыпал немало в пути...
Я пришла в этот мир не за тем, чтобы ставить капканы —
Для того, чтоб в ловушку попавших спасти,
Поднимать на зелёную ветку упавшие гнезда,
Зажигать маяки для ушедших в туман кораблей...
Новый год, он за этим придуман и создан,
Чтобы даже зимой становилось немного теплей...
Я зашью твой мешок, чтобы больше не выпало все
Из него ничего, никого. Пусть рубцуются раны.
А я красками яркими новую жизнь нарисую...
Я пришла в этот мир не за тем, чтобы ставить капканы.

Дары волхвов (почти по О'Генри)

Бойтесь, люди, данайцев, дары приносящих.
Опасайтесь желаний, что могут сбываться.
Бог дарует надежду всем, что-то просящим,
всем мечтающим — чтобы потом посмеяться...
И стремящийся к небу взлететь и придумавший крылья
камнем падает в море, расплавленным воском
он стекает на угли костра, что ещё не остыли,
и другого мечтателя пепел ветрами уносит.

Кто-то грезит о славе всемирной, бинтуя
окровавленный череп с отрезанным ухом.
И мечта его сбудется, только целебные струи
не прольются, и дверь заколочена глухо...
А летящая снова на пламя искусственной страсти,
как ночной мотылёк, от любви постаревшая жрица
и не вспомнит, как в школе, в заполненном партами клас-
се,
ей мечталось о куче поклонников и о столице...
Погружаясь в мечты и рисуя желаний картины,
опасайтесь волхвов, что несут вам свои подношенья...
Он, увы, не забыл, как бросая петлю на осину,
тот, кто предал, мечтал – о Его воскрешеньи.

Нежданный гость

– Я к тебе загляну, можно?
В ранний час, когда крепко спится.
Распахну окно осторожно —
пусть поют на рассвете птицы.
Пусть врывается шум прибоя
в тело, скованное томленьем,
пусть тебя зовут за собою
страстью сотканые движенья...
А потом будет запах кофе,
и корицы, и сдобы свежей,

лепетанье весёлой крохи,
и декабрь – непременно снежный
с ароматной колючей ёлкой,
мандариновой кожурою,
и до Питера верхней полкой
легендарной «Красной стрелой».
А захочешь – махнём в Одессу,
Ланжероном пройдем сквозь юность,
допоем любимые песни,
перейдем у родителей мудрость.
И, прожив этот день не напрасно,
завернёмся в заката полог...
– Заходи поскорее, Счастье!
И ещё – останься надолго...

Ангел Рождества

Спасибо, мой ангел, что ты со мной.
Чувствую крыльев ветер.
Вспыхнул в ночи вифлеемской звездой,
Путь мой земной отметив.
Я принимаю подарки небес,
Зная, кто мне их принёс.
У каждого есть свой вертеп и крест,
Но только один Христос.
И мы, заблудившись во тьме мирской,

Верим и ждём волшебство.
Спасибо, мой ангел, что ты со мной
Празднуешь Рождество.

Александр Борохов

Пока живут на свете Старики...

Старики – усталые дети,
На заброшенной детской площадке,
И играть им не с кем на свете,
Разве только со Смертью в прятки...

Старики – усталые дети,
Часто страшно им и одиноко,
Все крепчает Времени ветер,
Их, сдувая в Космос далекий.

Старики – усталые дети,
Не глазами плачут, а сердцем,
Равнодушья зима на планете,
Им у наших бы душ отогреться!

Старики – усталые дети,
Суевливы, по-детски капризны,
Не довольны, то тем, то этим,
Как улитки ползут по жизни.

Старики – усталые дети,
Не дадут за коня полцарства,
Телевизор, да плед из шерсти,
Из игрушек – одни лекарства...

Старики – усталые дети,
Как на руки им хочется к маме,
Не забудьте, свой день разметив,
Что нам тоже быть стариками!

Старики – усталые дети,
В нашей жизни им мало места,
Не бросайте их на площадке,
Это правильно, это честно!

Прощание

Не жди меня, я больше не приеду,
Не жди меня, ни завтра, ни потом,
Не жди меня, весной или к обеду,
Не жди меня к себе, как гостя в дом.
Не жди меня, стелая и рыдая,
Не жди меня, ни в радость, ни в беду,
Не жди меня, я это твердо знаю,
Я никуда отсюда не уйду...

Виктория Левина

Мы встретимся с тобой

*после встречи с ЕИВ Великой Княгиней
Марией Владимировной Романовой, наследницей
Российского Императорского Дома*

Мы встретимся с тобой, – сказала мне царица, —
однажды будет день – мы встретимся с тобой!

Каких святых просить, каким богам молиться,
чтобы приблизить миг лазури голубой?

Глядела мне в глаза и пожимала руки.
Возможно, проявлять воспитанность и такт
привычно для царей. Меня ж слова и звуки
взметнули над землёй на светлый звёздный тракт!

Мы встретимся с тобой! – звучит во мне поныне.
Сыграет ли судьба со мной блестящий блиц?
Я так не поклонюсь вовек царю-мужчине,
как преклонилась бы к стопам императриц.

А звёздный ген в крови наследия и власти
являет яркий нимб над царской головой!
Мы встретимся с тобой! – я ожидаю счастья
коснуться этих рук. – Мы встретимся с тобой.

Я о том переулке...

Я о том переулке, где пахло горелыми листьями,
что сжигались в преддверье зимы на ноябрьских кострах.
Хулиганское, светлое детство мазками искристыми
воскрешаю и помню, пока не рассыпалось в прах...

Пока жизнь, что клубится озоном тропическим плазмен-

НЫМ,
не развеяла в памяти тоненький дым из трубы,
а на летнем дворе, пересытившись зноем и праздни-
ком, —
как мы вялили рыбу и как мы солили грибы.

Вспоминай меня, двор! Понастроены новые здания
там, где мамины мальвы на клумбах садовых цвели.
Здесь кружил-проникал в лабиринты мембран обоняния
насыщающий запах украинской чёрной земли!

Я – пацанка. Я центр той вселенной, что зреет в зародыше:
ноги босы и сбиты колени, в шелковице рот.
И зовут меня смачно «бандиткой» и Витькой – «поскрё-
бышем»,
и душа моя юная громко под вишней поёт!

Как взрывалась сирень после первого майского тёплышка,
и парил в переулке парфюм её, сладок и густ!
В том дворе до сих пор сохранилось «секретное» стёк-
лышко, —
как душа у Кашея, зарыто под розовый куст.

Я собираюсь в Петрич, Ванга

Я собираюсь в Петрич, Ванга. Птицы в стаях

уколы осени почувствуют. Прохлада
позолотит леса. И лист, играя,
слетит в ковер, покрывший клумбы сада.

Я собираюсь в церковь, что построил
твоей рукою бог твой. На картины,
не на иконы, свой зрачок настроив,
к тебе стремлюсь давно, с тобой едина.

Твоя Болгария уже моею стала —
и аист в небе, и орёл над кручей...
Коснуться тёплых вод недоставало
термальных и сакральных... Выпал случай

к тебе приехать, Ванга, в ясный полдень,
сентябрьской паутинкою летящий,
и в дом войти, твоею сутью полный,
и правде внять о жизни настоящей.

У дома Ванги в Рупите

Нога утонет в разнотравье
деревни Рупите. Над парком
на горный крест садиться вправо —
орлу и голубю с цесаркой.

Укрыта речка камышами,
и жабий хор – рефреном в уши!
И черепашьями шагами
плетётся время: стой и слушай...

Лопочет церковь под горою —
хранят иконы сны и звуки.
В ручье с термальной водою
бездумно обжигая руки.

И, опалённая душою,
стою, как тень, в дверном проёме
избы, провидицей слепою,
и отражаюсь в водоёме.

Где, как не в Мельнике...

Средь белых скал, моей истории хранитель, —
прелестный Мельник, чудо-мастер красных вин,
старинных улочек волшебник, искушитель,
соединитель одиноких половин.

Где, как не в Мельнике, венчаться в белом доме,
вином рубиновым наполнивши бокал,
где, кроме вечности и ветра в скалах кроме,
придёт в свидетели платан, река, подвал?

Я заплутала в закоулках тёмной ниши —
дубовых бочек и дверей потерян счёт...
Старинный Мельник крик испуганный услышит,
на деревянный мост наружу приведёт.

Струит вода по перепадам речки горной,
смывает боль и застарелые грехи.
Кровит-течёт под медным прессом сок отборный —
перебродить в архитектуру и стихи.

В доме Кордопулова

Дом Кордопулова. Комнаты, комнаты,
в доме — посуда, одежда, ковры —
облаком белым на скалах исполнены
нашей с купеческим домом игры:

солнце осеннее жарит неистово —
в доме прохлады осенней поры,
хмелем пьянят после воздуха чистого
винных подвалов густые пары...

Экскурсоводы, туристы, развалины,
бархат платана столетней коры,
старые окна с сакральностью ставенной

смотрят сквозь щёлки в другие миры...

Горная речка мостами и скалами
шумно плутает к подножью горы.
Бочки дубовые с винами алыми
важно хранят наливные дары.

В Мельнике, пробуя... улицей... заревом...
в городе сказочном правим пиры!
Горы и ветер, сентябрь и Болгария
к нам бесконечно и щедро добры.

Жеравна

Мой восторг, мой респект с любопытством, Жеравна!
Чистый воздух и прелесть кафе на двоих.
Здесь прохладно и зябко. Но люди, как лава,
заполняют зигзаг переулков кривых.

Этих стен деревянная шероховатость,
эти камни фундаментов древней поры,
многоцветных ковров неподдельная радость
и сбегаящий ветер с вершины горы.

Мы замёрзнем, мы будем искать утешенье
в тёплом чае и в тёплом пожатии рук.

Мы забудем в Жеравне свои пригрешенья,
по музеям пройдя исцеляющий круг!

В каждом доме для нас открываются двери
той Болгарии славной любви и тепла,
и мечты о заветной и попанной вере,
чем страна в угнетённые годы жила...

До слезы. До влюблённости проникновений
в суть истории жизни любимой страны —
щит заборов и стен, и к свободе стремлений,
что на эркере дома особо видны.

Покидаем Жеравну. Простимся с друзьями.
Обещаем не рвать понимания нить.
До подножья горы долетает за нами
дымный запах таверн, чтоб его не забыть.

В этом доме

В этом доме мне рады. Готовят еду,
наливают ракию в большие стаканы.
Если вдруг занемог, ослабел на беду —
приобнимут за плечи, поддерживать станут...

В этом доме, на Бога надеясь, живут,

наливают и пьют без остатка «на здраве».
Здесь лелеют тепло и домашний уют
на краю у села, у столетней дубравы.

В жизни всяко бывает: друзья предадут,
отвернутся внезапно родные с упрёком, —
в этот дом на окраине ноги ведут
на подножии горном Сакара далёком.

Я сюда прихожу, чтоб пополнить любовь,
ощутить бескорыстия тёплые руки —
вне сезона в году, в день недели любой, —
и страдаю, болею от долгой разлуки.

Принимай меня, дом! Завершивши полёт,
я тяну свои руки к кистям винограда...
Здесь неслышное время тихонько течёт
за столом у друзей – а другого не надо!

В микрофон

Хозяин дома протянул мне микрофон.
В моей деревне за столом – родные лица.
И паутинкою сентябрьскою кружится
диск осветителя, подчёркивая фон.

Хозяин дома говорит мне о любви
(в награде этой, априори, неповинна!)
людей в деревне. Золотятся вина.
Свисают кисти винограда. – Ты живи,

пиши стихи и книги лет до ста!
Читай их нам – мы любим, как читаешь,
и знаем, что болгарский понимаешь
без переводчика – ведь речь любви проста...

Я отвечаю на наречьи близких душ.
Моя подруга всё синхронно переводит.
И смысл, и речи понимает вроде
ивритоговорящий верный муж.

И в микрофон, и без – с деревней говорю,
с людьми и с полем, с лилией на речке,
о широте природы человеческой —
портрет Болгарии бесхитростной творю!

Роман Смирнов

Дожди Елабуги

А стоит ли дальше, а нужно ли
искать этой жизни резон?

Уходит дорога зауженно,
спускается за горизонт.

Эй, ворон, чего начертил ещё?!

В ночи не видать ни черта!

За мной, мои сёстры, в чистилище, —
гордыня, тщета, нищета!

Не первая и не последняя,
меня простор на постой,
в закатный придел поселения
вхожу прихожанкой простой.

А если в землю ложиться мне,
то так, чтоб «ищи-не ищи».

Покроет Россию божницами
души переломленный щит.

Не была в бреду и не плакала,
бродя меж берёз и осин.

Пролятся дожди над Елабугой,

слезами пойдут по Руси,

и вымоют долгими ливнями,
и вымолят сотни Марин,
пока будут ждать терпеливые,
бумажные «церкви» мои.

Озимые

*К пустой земле неволью припадая...
О. Мандельштам*

1
Из глубины, так давящей на плечи
Невозмутимо и невыносимо,
Переболев, совсем по-человечьи,
Идёт на звук, наверх ползёт озимый.
Пока ему не мать сыра земля,
И стебелёк не должен корневищу,
Свобода там, где высоко и чище,
Где нет возврата к глубине и глине.
Растёт росток, безудержно змеится,
Когда сгниёт забытая зерница,
Ему на плечи ляжет первый иней.

2
Теперь учиться жить, держась за воздух.

Ветра умеют и ласкать, и ранить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.